

В. Г. ЧЕРНУХА

ПРОГРАММНАЯ ЗАПИСКА
МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. А. ВАЛУЕВА
ОТ 22 СЕНТЯБРЯ 1861 г.

Дневники П. А. Валугева,¹ занимавшего в 60-х годах XIX в. пост министра внутренних дел, в 70-х — министра государственных имуществ и председателя Комитета министров, а в 80-х годах являвшегося членом Государственного совета, содержат ценнейший материал и являются во многих случаях отправной точкой в поисках и атрибуции документов, вышедших из правительственной среды. Именно его дневник, например, совсем недавно помог установить подлинное авторство важнейшей программной записки, приписывавшейся ранее М. Н. Муравьеву и в действительности принадлежавшей шефу жандармов П. А. Шувалову.² Тем более важен этот дневник для поисков документов самого Валугева, хотя его бумаги сравнительно хорошо сохранились.

В этой связи обращают на себя внимание те строки его дневника, где говорится о посланной им 22 сентября 1861 г. Александру II в Ливадию записке «Об общем положении дел в империи».³ Вызывает интерес уже самая тема записки, поскольку в ней должна даваться оценка внутреннего положения страны. Последующие дневниковые записи и более поздние авторские комментарии к ним лишь усиливают этот интерес, обнаруживая, что в ней ставился вопрос о реорганизации законодательной и исполнительной власти, что она связана с конститутированием в 1861 г. Совета министров и что автор придавал ей такое большое значение, что даже заболел «нервической лихорадкой» после ее отправки.⁴ Эту записку автор расценивал столь же высоко, как и так называемые проекты «государственного конституционализма», и, когда в период второй революционной ситуации озабоченное выходом из кризиса правительство вернулось к обсуждению проблем государственного управления, Валугев записал в дневнике под датой 30 апреля 1879 г.: «Сообщил вчера Абазе по его желанию мою записку 13 апреля 1863 г. и записку к князю Урусову 1 мая 1866 г. (о реорганизации государственного управления на представительных началах, — В. Ч.). По этому поводу пересмотрел прежние мои бумаги, между прочим, и записку от 22 сентября 1861 г., посланную государю. Прошло

¹ Дневник П. А. Валугева, министра внутренних дел. В двух томах. 1861—1876. М., 1961 (далее — Валугев П. А. Дневник); Граф П. А. Валугев. Дневник 1877—1884. Пг., 1919.

² Оржеховский И. В. Комитет «общественного спасения» 1866 г. — В кн.: Общественно-политическая мысль и классовая борьба в России в XVIII—XIX вв. (Межвузовский сборник). Горький, 1973, с. 55.

³ Валугев П. А. Дневник, т. I, с. 117.

⁴ Там же, с. 118, 122—123, 325.

18 лет, но сказанное в тех записках пригодно сегодня и согласно со всем, что мною писано, говорено и делано с 1861 по 1879 г. Когда-нибудь вспомнят об этом и обо мне: рассчитают меня с теми, с кем я имел дело!»⁵

Итак, записка бесспорно представляет большой интерес, но дело заключается в том, что ни коллекция всеподданнейших докладов министра внутренних дел,⁶ ни личные фонды П. А. Валуева⁷ не содержат этой записки даже в копии. Копия ее отыскалась в личном архиве П. Е. Щеголева⁸ — историка, много работавшего с документами Валуева, в частности опубликованного вместе с В. Я. Богучарским дневник Валуева за 1877—1884 гг. и намеревавшегося вместе с А. А. Шиловым издать вторым томом комментарии к этому дневнику и статью о Валуеве, которого Щеголев считал «несомненно одним из умнейших бюрократов России».⁹

Копия записки 22 сентября могла предназначаться как для самостоятельного опубликования, так и в качестве материала для примечаний к издаваемому дневнику или для предполагавшихся исследований. Копия сделана на пишущей машинке, напечатана с соблюдением старой орфографии, следовательно, ее происхождение можно датировать временем не позднее 1919 г. Предположительно можно сказать, что она была сделана в период долгой (1913—1919 гг.) работы Щеголева и Яковлева-Богучарского (а позже А. А. Шилова) над подготовкой к печати дневника Валуева, который должен был быть снабжен подробнейшими комментариями, оставшимися в конце концов (за небольшим исключением) неизданными. Можно также предположить, что копия была снята с автографа. Предположение это строится на том, что на хранящуюся там же копию сопроводительной бумаги¹⁰ была перенесена обычная для копий помета: «на подлинной собственности его величества рукой написано...» (и т. д.). Копия же записки таких помет не сохранила.

Записка занимает 11 листов бумаги обычного формата, напечатана на одной стороне листа через два интервала. С левой стороны, несомненно как и в автографе, оставлены большие поля, на которых машинописью же отмечены маргиналии Александра II. Листы копии трижды нумеровались: первый раз — пишущей машинкой при снятии копии (№ 1—11), второй раз — карандашом при нумерации какой-то единицы хранения (№ 32—42), в третий раз — карандашом при формировании архивной единицы № 338 фонда П. Е. Щеголева (л. 3—13). При вторичной

⁵ Граф П. А. Валуев. Дневник 1877—1884, с. 36—37.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 1284 (Департамент общих дел Министерства внутренних дел), оп. 241.

⁷ Там же, ф. 908; ИРЛИ, ф. 559.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1093, л. 339, л. 3—13.

⁹ Былое, 1906, № 2, с. 264.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 338, л. 14.

нумерации листов (или ранее) их перепутали (второй и последний листы записки поменялись местами) и пагинация оказалась неверной, сохранившись в такой последовательности и при формировании дела № 338. Однако эта ошибка легко исправляется по содержанию текста и по первоначальной пагинации. Записка не имеет никаких рукописных помет, кроме карандашных отчеркиваний на полях против отдельных абзацев и небольших подчеркиваний в тексте маргиналий Александра II.

Поскольку эти отчеркивания на полях прямо связаны с маргиналиями, то можно предположить, что эти карандашные пометы воспроизводят таковые же, сделанные на подлиннике Александром II, имевшим обыкновение отмечать таким образом оставившие его внимание места. Принадлежность маргиналий Александру II никак не оговорена, однако она не вызывает никаких сомнений.

Записка в точности соответствует тем сведениям о ней, которые содержатся в дневнике П. А. Валужева. Эта записка П. А. Валужева, еще не введенная в широкий научный оборот, чего она заслуживает, была, как свидетельствует лист использования, в поле зрения ряда известных советских исследователей, в том числе и В. Я. Лаверычева, воспроизведшего в своей недавно выпущенной книге одно из наиболее откровенных высказываний Александра II о его взглядах на власть.¹¹

Всепогоднейшая записка от 22 сентября 1861 г. озаглавлена «Общий взгляд на положение дел в империи с точки зрения охранения внутренней безопасности государства». Уже само название, а еще более содержание записки указывают на программный ее характер. П. А. Валуев во время своего руководства Министерством внутренних дел не однажды представлял программные записки. Эта — первая из них.

История первой программной записки П. А. Валужева, ее назначения и места в цепи других документов (а записка эта является лишь частью целого комплекса документов) и действий автора сравнительно легко восстанавливается, в значительной мере с помощью его дневника.

П. А. Валуев пришел в Министерство внутренних дел в апреле 1861 г. в качестве его управляющего (не министра!) в результате отставки министра С. С. Ланского и товарища министра Н. А. Милютина, отстраненных для успокоения недовольного отменой крепостного права или некоторыми из ее условий дворянства. Раньше П. А. Валуев служил в Министерстве государственных имуществ директором двух департаментов, в 1861 г. в течение короткого времени был управляющим делами Комитета министров и заведующим делами Совета министров. Уже эта предшествующая служба обеспечивала ему близкое знаком-

¹¹ Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861—1917 гг.). М., 1974, с. 105.

ство с положением в стране, с настроениями правительственных кругов. Он пришел в Министерство внутренних дел уже сложившимся государственным деятелем, программа которого сформировалась под влиянием неудач Крымской войны, недвусмысленно показавшей всю внешнеполитическую опасность внутренней отсталости и слабости. Уже в сентябре 1855 г. он в широко распространенной в то время рукописной записке «Дума русского» подверг резкой критике внутреннюю политику. Сильная своим критическим направлением записка была в позитивной своей части очень слаба. Эта часть лишь вытекала из направленности его критики.

Поставленный во главе Министерства внутренних дел П. А. Валуев оказался вынужденным сформулировать свою программу. Рассматриваемая записка была политической частью его программы. Являясь человеком консервативных взглядов, он был одним из представителей той многочисленной группы консервативных государственных деятелей, которые увидели спасение монархии и первенствующего положения дворянства в своевременном проведении умеренных буржуазных реформ.

Валуев впоследствии (в 1868 г.), оглядываясь на свое семилетнее руководство Министерством внутренних дел, делил его на два периода — 1861—1863 гг. и 1864 г.—начало 1868 г., причем первый из них считал «наступательным» (в противоположность второму — «оборонительному»), когда он пытался осуществить свою программу. «В нем (периоде, — В. Ч.) написаны первые записки, имевшие целью обратить внимание государя на неизбежность коренных перемен в нашем государственном строе, сделаны попытки к более правильному устройству делопроизводства Комитета министров и Совета министров», — писал он.¹² Под «первыми записками» о государственном строе имелась в виду, в частности, записка от 22 сентября.

Ее предшественницей П. А. Валуев считал всеподданнейшую записку о ходе крестьянской реформы от 15 сентября 1861 г. «Всегда сознавая взаимную связь и даже солидарность разных частей... управления, — объяснял он, — я уже в этой первой... записке (т. е. в записке от 15 сентября, — В. Ч.) искал случая коснуться и другого более общего вопроса о коренных условиях и формах государственного управления».¹³ И хотя в этой записке отсутствует та фраза, которой, как ему казалось, он и связал проблемы экономические с проблемами политическими, это не меняет дела. Важно, что он считал записку 15 сентября своеобразной подготовкой к выдвижению предложений, изложенных в записке 22 сентября. И если с этой точки зрения посмотреть на записку по крестьянскому делу, на этот отчет о полугодовом ходе крестьянской реформы, то можно констатировать, что она

¹² Валуев П. А. Дневник, т. I, с. 330.

¹³ Там же, с. 324.

подводила к мысли о необходимости переключения внимания правительства с аграрного вопроса, который считался им в основе своей решенным и нормально развивающимся, на другие аспекты правительственной политики. «Дело идет вперед, хотя не везде с равным и однообразным успехом», «встречаемые затруднения одно за другим устраняются», «остаётся следить за вновь возникающими недоразумениями», — настойчиво повторял управляющий Министерством внутренних дел.¹⁴ В записке этой упоминалось (пока в связи с крестьянским делом) о деятельности комиссий, разработавших проекты преобразований податных, судебных и др.

Деятельность этих созданных по распоряжению императора комиссий являлась, делал вывод Валуев, свидетельством признания «его величеством», что, «двинув крестьянский вопрос, надлежало вместе с ним или вслед за ним двинуть и все другие».¹⁵ Таким образом, перекидывался мостик от этой записки к последующей записке от 22 сентября, где он уже развивал программу мер, которые надо было «двинуть» вслед за отменой крепостного права. Валуев в 1868 г. признавался, что считает свою программную записку «вторым шагом» на пути попыток осуществления своей программы, первым же шагом было представление записки 15 сентября.¹⁶

Итак, при изучении этой программной записки следует учитывать, что она имеет свою «вводную часть» — записку о крестьянском деле.

И вот через неделю после представления обстоятельного отчета о ходе крестьянской реформы, подготовив, как он считал, почву, П. А. Валуев выдвигает свою программу политического укрепления самодержавия, излагает свои воззрения на способы вывода страны из полосы кризиса.

Записка 22 сентября по содержанию распадается на две части — одна из них дает анализ внутривластного положения, другая — содержит довольно широкий круг предложений по стабилизации этого положения. Анализ Валуева касался исключительно характера взаимоотношений власти (при этом он разделял царя и правительство и относил свои выводы о непопулярности власти к правительству, а не к царю) с различными сословиями и сословными группами. Валуев констатировал, что главная сложность положения в стране состоит во «всеобщем движении или колебании умов», в условиях «бессилья разных отдельных административных ведомств не только приостановить, но и направлять это движение».¹⁷

Управляющий Министерством внутренних дел рассмотрел отношение к власти (в его трактовке, к правительству) всех со-

¹⁴ Исторический архив, 1961, № 1, с. 76.

¹⁵ Там же, с. 80.

¹⁶ Валуев П. А. Дневник, т. I, с. 325.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 338, л. 13.

словных групп, составляющих это «движение», «колебание». Каждая из групп интересовала его в качестве возможной социальной опоры самодержавия. Опустив из этого анализа торгово-промышленные круги и рабочий класс, он последовательно рассмотрел отношение к правительству дворянства, крестьянства, духовенства, студенчества, чиновничества и оказался вынужденным прийти к выводу о широкой распространенности среди этих групп недовольства правительством, о почти полной изоляции правительства. «Меньшинство гражданских чинов и войско суть ныне единственные силы, на которые правительство может вполне опереться», — таков был его вывод, с которым согласился и царь, пометив на полях: «грустная истина».¹⁸

Анализу настроений крестьян, крестьянского движения и вытекающих из этого задач автор записки уделил весьма мало внимания. Это объясняется тем, что вопросы эти были подняты в записке по крестьянскому делу, о которой он не преминул упомянуть. «Крестьяне вообще сознают благие последствия их освобождения; но они не вполне удовлетворены условиями этого освобождения и неясно понимают его последствия. Их нужно сдерживать для сохранения общественного порядка. Опереться исключительно на них значило бы вызвать кровавые смуты и, поколебав основные начала гражданского устройства империи, подорвать в одно и то же время ее внутренние и внешние силы», — заявлял Валуев.¹⁹

Мало места Валуев уделил положению, нуждам и отношению к власти духовенства, лишь констатируя его «частью равнодушное», «частью враждебное» отношение к правительству.²⁰ Причина этой беглости коренилась в том, что одновременно с запиской «Общий взгляд...» он отправил императору специальную записку о духовенстве,²¹ где рассматривал все эти вопросы и выдвигал свои предложения по улучшению быта духовенства, которое он намеревался путем этих мер привлечь на сторону правительства для более активной борьбы с революционным движением. Записка о духовенстве является, таким образом, своего рода приложением, отпочковавшейся частью программной записки и должна рассматриваться вместе с ней. Автограф записки о духовенстве, кстати, сохранился в коллекции всеподданнейших докладов,²² так же как и общая к обеим запискам сопроводительная бумага, вызывая тем большое недоумение по поводу отсутствия там автографа рассматриваемой записки.

Самой важной из социальных проблем в то время Валуев считал проблему упрочения отношений самодержавия с дворянством, начавшим оппозиционную деятельность в связи с недо-

¹⁸ Там же, л. 6.

¹⁹ Там же, л. 5.

²⁰ Там же.

²¹ Валуев П. А. Дневник, т. I, с. 117.

²² ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 241, д. 30, л. 66—80.

вольством условиями отмены крепостного права и, как оно считало, нарушением его экономических интересов. Восстановление и упрочение связей самодержавия с дворянством, по мысли автора, означало как исчезновение столь неприятного правительству оппозиционного движения дворянства, так и совместную борьбу с движением революционным. Обеспечение прочного союза с дворянством было возможно, по мысли автора записки, лишь с помощью политической уступки дворянству.

Предложенная Валуевым программа вытекала из данного им анализа. Кратко ее можно сформулировать так: политическая уступка дворянству в форме введения начал центрального представительства, укрепление аппарата государственной власти (в частности, для более действенной борьбы с революционным движением) и мобилизация прессы для организации идеологического отпора «противоправительственным стремлениям».

Идея введения в русскую государственную систему начал общественного представительства была важнейшей и главной частью его государственной программы, причем эта идея была настолько завуалирована, что если бы не собственное его позднее свидетельство, о ней можно было бы говорить только весьма предположительно.

В 1868 г., просматривая во время своего вынужденного бездействия дневники за 1861 г., он пояснял: «Еще нельзя было с какой бы то ни было надеждою на успех высказаться насчет допущения некоторого участия в делах правительственных новых элементов выборного или призывного представительства. Первым шагом могло быть, как мне казалось, только указание на существующие, так сказать, уже данные пределы самодержавного полновластия. Они были даны в экономической сфере, и я выразился о них следующим образом: „Одного почерка пера вашего величества достаточно, чтобы отменить весь свод законов Русской империи, но никакое высочайшее повеление не может ни поднять, ни понизить курса государственных бумаг на С.-Петербургской бирже“. Цитирую на память, но не сомневаюсь в верности цитаты».²³ Цитата действительно была воспроизведена верно. И все же память подвела Валуева. Дело в том, что он утверждал, что цитата эта содержится в записке по крестьянскому делу (от 15 сентября 1861 г.). Отсутствие этой цитаты в записке по крестьянскому делу ввело в заблуждение такого большого знатока бумаг П. А. Валуева, как Л. Г. Захарова, и дало ей основание на этом примере упрекнуть дневник в «неточности», а его автора в «приверженности к красивой фразе».²⁴ Всем этим Валуев безусловно грешил, но в придумывании этого факта он не повинен. Эта важнейшая цитата была включена им в другую

²³ Валуев П. А. Дневник, т. I, с. 325.

²⁴ Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в. М., 1970, с. 371—372.

всеподданнейшую записку — записку 22 сентября.²⁵ Эта фраза была не единственной, приведенной в подтверждение мысли о том, что эпоха абсолютизма отошла в прошлое и что самодержавию неизбежно придется делать политические уступки. Но все высказывания были в высшей степени осторожны.

«Долгом... считаю выразить глубокое убеждение, — писал П. А. Валуев, — что движению, обнаруживающемуся в ныне видимых и быстро возрастающих размерах, необходимо дать исход. Его нельзя удержать в замкнутом круге. Его можно направлять, но нельзя окончательно подавить силою. Мыслям, даже ложным, надлежит противопоставлять мысли. Ссылаюсь в виде доказательства не только на общеизвестные европейские события, но и на опыты нашей истории, на вековой опыт раскола и на тридцатилетний западных губерний. Всемирные летописи свидетельствуют, что в развитии государств настает время, когда для подавления идей, подрывающих общественный порядок, недостаточно одного употребления правительственной власти и недостаточно именно по ограниченному числу безусловно ей подчиняющихся орудий. Необходимо содействие той части общества, которая одушевлена или может быть одушевлена идеями противоположными. Противопоставляя одну сторону другой, правительство может с большей безопасностью господствовать над обеими и, сохраняя общественный порядок, удерживать за собою надлежащий простор для собственно ему принадлежащей власти».²⁶

Как ни завуалирована была мысль о представительстве, Александр II прекрасно ее понял, и его помета лишнее свидетельство, что речь шла именно об этом. «Прежде всего, — написал он, — я желаю, чтобы *правительственная власть была властью* и не допускала никаких послаблений и чтобы всякий исполнял свято лежащую на нем обязанность. Второе же: стремиться к постепенному *исправлению* тех недостатков в нашей администрации, которые все чувствуют, но при этом не касаясь коренных основ монархического и самодержавного правительства».²⁷

Другие идеи были сформулированы П. А. Валуевым более определенно. Целый ряд предложений касался реорганизации исполнительной власти на разных ее уровнях с целью укрепления аппарата государственного управления для наиболее эффективной борьбы с революционным движением. Во-первых, речь шла о проведении некоторой децентрализации, освобождении министерств и главных управлений от «множества дел, не имеющих достаточной важности», и нацеливании их на решение важнейших проблем. Во-вторых, он предлагал изменить порядок работы такого высшего административного учреждения, как Комитет министров, расширив его права. При этом он руководствовался идеей при-

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 4093, оп. 1, д. 333, л. 8—9.

²⁶ Там же, л. 7—8.

²⁷ Там же, л. 7. — Здесь и далее курсив документа.

ближения Комитета министров к формам европейских «кабинетов» и предусматривал особое положение председателя Комитета, напомиравшее (правда, весьма отдаленно) положение европейского премьер-министра. Александр II и теперь правильно понял существо этого предложения, чрезвычайно скромного по сути и очень осторожно выраженного, и не преминул еще раз заявить свои твердые абсолютистские планы. «Учреждения 1-го министра я никогда не допущу», — помечено на полях записки.²⁸

В-третьих, следовало традиционное предложение об укреплении аппарата насилия. Поскольку революционное движение наиболее сильно проявлялось в обеих столицах, то управляющий Министерством внутренних дел ставил задачу в первую очередь «усиления средств и даже коренного преобразования столичных полиций». Такая часть «управленческой» проблемы, как сокращение числа чиновников, в этой записке рассматривалась Валуевым в качестве меры социально-политической: когда он говорил о переключении части бюрократии (очевидно, низших ее звеньев) на иные сферы деятельности, то имел в виду прежде всего не улучшение работы государственного аппарата, а уменьшение «класса недовольных, вредного для спокойствия государства».

Важную часть его программы составляли кратко сформулированные предложения по делам периодической печати, которая должна была быть организована таким образом, чтобы в разных ее модификациях способствовать одной цели — упрочению положения правительства и отстаиванию его политики. Цензура в глазах Валуева оставалась важнейшим инструментом правительственной политики в борьбе с печатью, в первую очередь демократической, и он ставил задачу скорейшей разработки законодательства о цензуре. В этой записке он не говорил прямо об организации официальной правительственной газеты, хотя несомненно уже имел в виду создание органа Министерства внутренних дел. Зато он выдвинул мысль об учреждении официозов — «одного или двух периодических изданий, которые могли бы быть косвенными проводниками видов правительства и противодействовать враждебным ему стремлениям других органов прессы, коих явные или двусмысленные нарекания оставляются без ответа».²⁹

Наконец, он выдвинул задачу поддержки правой печати, сформулировав ее следующим образом: «При нынешнем настроении умов было бы даже полезным поощрить учреждение журнала, коего консервативные тенденции простирались бы далее консервативных видов самого правительства. Учредителями могли бы быть некоторые из значительнейших землевладельцев. Я уже давно озабочиваюсь собиранием некоторых предварительных по

²⁸ Там же, л. 10.

²⁹ Там же, л. 11.

сему предмету справок и отзывов».³⁰ Сквозь эти строки просвечивают контуры учрежденной в 1863 г. газеты «Весть».³¹

Все предложения П. А. Валуева, кроме тех, в которых Александр II увидел ущемление его абсолютной власти (идеи представительства и частично реорганизации деятельности Комитета министров), получили полное одобрение императора. Поля записки пестрят пометами: «можно», «необходимо», «весьма желательным», «справедливо» и т. д.

Общая резолюция императора на записке гласила: «Искренне благодарю за откровенное изложение ваших мыслей, с которыми я почти во всем согласен, как вы увидите из многих отметок, но прошу, чтобы оне оставались между нами без всякого исключения. Положение наше не легкое, но с божией помощью, твердостью и единодушием в действиях, надеюсь, что мы его преодолеем».³²

6 октября 1861 г. программная записка вернулась из Ливадии к ее автору. «Вчера вечером получил из Ливадии свои две записки об общем положении дел и о преобразовании быта духовенства, — записывает 7 октября в своем дневнике П. А. Валуев. — С содержанием последней государь вполне согласился. По содержанию первой государь настаивает в разных отметках на неприкосновенности самодержавия. За обе благодарит. Кн. Долгоруков пишет, что государь ими весьма доволен».³³

При всем том, что важнейшая часть предложений записки была отвергнута Александром II, все остальные предложения, никак не затрагивавшие прерогатив самодержавия, получили поддержку императора. Более того, по возвращению из Ливадии Александр II имел с Валуевым объяснение по поводу этой программы, в ходе которого, он, очевидно, еще раз подтвердил свое одобрительное отношение к ней и специально остановился на отвергнутой идее преобразования Комитета министров, распорядившись вместо этого реорганизовать деятельность Совета министров, где он сам председательствовал.³⁴ Представленная Валуевым программа упрочила «доверие» императора к управляющему Министерством внутренних дел, что выразилось, в частности, в том, что вскоре (в начале ноября) Валуев был утвержден в должности министра.

Поскольку программа во многих частях была одобрена, дальнейшие действия Валуева в значительной степени связаны с ее осуществлением, и целый ряд его проектов, всеподданнейших докладов и записок являлся конкретизацией идей, выдвинутых в записке 22 сентября. При изучении многих последующих до-

³⁰ Там же.

³¹ Об ее учреждении см.: Скороспелова В. А. Основание газеты «Весть» и ее программные задачи. — В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1973. с. 227—240.

³² ЦГА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 338, л. 3.

³³ Валуев П. А. Дневник, т. I, с. 118.

³⁴ Там же, с. 122.

кументов Министерства внутренних дел необходимо иметь в виду, что их история восходит к программной записке 22 сентября 1861 г., где содержится подробное обоснование ряда будущих преобразований и указываются истинные их цели.

В. А. НАРДОВА

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ГОРОДСКИХ ДУМ В 60-х ГОДАХ XIX в.

Издания городских дум являются ценнейшим источником для изучения деятельности городского общественного управления. Вместе с тем история этих изданий позволяет проследить характер отношений центрального правительства и местного самоуправления в России в пореформенное десятилетие, выяснить действительную степень готовности царского правительства удовлетворить стремление органов общественного управления к расширению их самостоятельности.

Проводимые в 60-е годы буржуазные преобразования коснулись и сферы городского общественного управления. В 1862 и 1863 гг. были приняты Положения об общественном управлении Москвы и Одессы, была начата подготовка положения, единого для всех городов Российской империи, осуществлен ряд частных мер, направленных на расширение самостоятельности городского общественного управления. Не последнюю роль в этом могло сыграть предоставленное городским думами право иметь свои печатные издания с освобождением их как от общей цензуры, так и от цензуры губернской администрации.

На короткий отрезок времени (до 17 октября 1866 г.) городские учреждения оказались в более привилегированном положении, чем земские: право последних (ст. 112 Положения о губернских и уездных земских учреждениях) ограничивалось возможностью издавать по собственному усмотрению материалы только для внутреннего пользования и печатать в губернских ведомостях сметы, раскладки и годовые отчеты земских управ.¹ Журналы земских собраний, в соответствии с циркуляром министра внутренних дел от 24 марта 1865 г., могли печататься в губернских ведомостях лишь в извлечениях и с разрешения начальника губернии.²

Что представляли собой периодические издания городских общественных учреждений, в какой мере городские думы воспользовались предоставленным им правом и насколько последова-

¹ ПСЗ II, т. XXXIX, № 40 457.

² Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. Ч. II. СПб., 1870, с. 195—196.